

Материальное положение и риски бедности на разных этапах жизненного цикла домохозяйств

Елена Алексеевна Цацура

(tsatsura-ea@ranepa.ru), Российская Академия
Народного Хозяйства и Государственной
Службы при Президенте Российской
Федерации, Россия.

Александра Андреевна Осаволюк

(osavolyuk-aa@ranepa.ru), Российская Академия
Народного Хозяйства и Государственной
Службы при Президенте Российской
Федерации, Россия.

Material well-being and poverty risks at different stages of the family life cycle

Elena Tsatsura

(tsatsura-ea@ranepa.ru),
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Russia.

Alexandra Osavolyuk

(osavolyuk-aa@ranepa.ru),
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Russia.

Резюме: В статье исследуется динамика доходов и риски бедности российских домохозяйств на различных этапах жизненного цикла. Используя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2013 и 2022 г., авторы разрабатывают оригинальную типологию домохозяйств, учитывающую возраст старшего ребенка, женщины в паре, одиноко проживающих, структуру домохозяйств (простые, сложные, неполные). Особое внимание уделено изменениям в структуре домохозяйств: за исследуемый период выросла доля одиноко проживающих пожилых людей, снизились доли простых домохозяйств, неполных семей, домохозяйств на этапе появления детей, а также на этапе выхода детей из родительской семьи. Результаты показывают, что в простых домохозяйствах медианные среднедушевые доходы ниже на 37% на этапе появления детей. Доходы остаются низкими до достижения детьми самостоятельности. Несмотря на то, что домохозяйства пожилых демонстрируют минимальные риски бедности, переход к более поздним этапам жизненного цикла также связан со значительным снижением среднедушевых медианных доходов (на 20%) по сравнению с домохозяйствами на этапе «пустого гнезда» или бездетными молодыми домохозяйствами. Анализ уровня и рисков бедности выявил, что наиболее уязвимыми являются полные простые домохозяйства с детьми школьного возраста (риск бедности в 1,8 раза выше среднего), сложные домохозяйства на этапе отделения детей от родителей и неполные семьи. С помощью метода «сдвиг-доля» показано, что структурные изменения в домохозяйствах способствуют снижению общего уровня бедности. Исследование вносит вклад в литературу, объединяя концепцию жизненного цикла домохозяйств с анализом бедности. Результаты имеют практическое значение для разработки социальной политики, направленной на снижение экономической уязвимости домохозяйств на разных этапах жизненного цикла.

Ключевые слова: материальное положение, бедность, жизненный цикл семьи, типология домохозяйств, РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Финансирование: Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Цацура Е.А., & Осаволюк А.А. (2025). Материальное положение и риски бедности на разных этапах жизненного цикла домохозяйств. Демографическое обозрение, 12(3), 130-156.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28499>

Abstract: This article examines income dynamics and poverty risks of Russian households at various stages of the life cycle. We apply the term 'family life cycle' following the established tradition, but in the empirical part we take into account all types of households, including single households, as is customary in Russian statistics. Using data from the RLMS-HSE (Russian Longitudinal Monitoring Survey) for 2013 and 2022, we develop an original household typology that accounts for children's age, women's age, age of a single person and family structure (nuclear, extended, single-parent). Particular attention is paid to structural changes in households: the share of people living alone increased, while the shares of nuclear families, single-parent families, families with young children and also in the stage of children leaving the parental home decreased. The results show that in nuclear families, median per capita income drops by 37% during child-rearing stages and remains low until children achieve financial

independence. Although elderly households demonstrate minimal poverty risks, transitioning to later stages of the life cycle is also associated with a significant income reduction (by 20%) compared to the 'empty nest' stage or childless young households. Poverty risk analysis reveals that the most vulnerable groups are nuclear families with school-aged children (poverty risk 1.8 times higher than the country's average rate), extended families at the stage of children leaving their parents, and single-parent households. Shift-share analysis indicates demographic changes contribute to a reduction in overall poverty level. The study contributes to the literature by combining the concept of the family life cycle with an analysis of poverty. The findings have crucial policy implications for the development of social policies aimed at reducing the economic vulnerability of households at different stages of the life cycle.

Keywords: material well-being, poverty, family life cycle, household typology, RLMS-HSE.

Funding: This article was prepared within the framework of the state assignment of RANEP.

For citation: Tsatsura E., & Osavolyuk A. (2025). Material well-being and poverty risks at different stages of the family life cycle. *Demographic Review*, 12(3), 130-156. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28499>

Введение

Концепция жизненного цикла семьи позволяет анализировать положение домохозяйств через призму различных этапов, сквозь которые обычно проходят семейные отношения. Появившись в начале XX века, концепция активно используется в социально-экономическом анализе с середины 1950-х годов, в том числе в российском научном сообществе с 1970-80-х годов (А.И. Антонов, В.А. Борисов, В.М. Медков, А.Б. Синельников, Н.М. Римащевская и др.) (Белехова 2022а).

В литературе существует достаточно много различных периодизаций семейного цикла, выделяющих разное число этапов в нем. Основой для периодизации могут выступать такие критерии, как наличие детей и их возраст (Duval 1957); стадии родительства (Антонов, Медков 1996); стадии развития брака и его продолжительность (Сысенко 1989; Навайтис 1999); изменения отдельных функций семьи (Васильева 1975), возраст женщины и возраст детей (Barquero, Trejos 2005) и др.

В отличие от традиционного подхода к изучению бедности домохозяйств разных типов (с детьми и без детей, городских и сельских, полных и неполных, имеющих и не имеющих в своем составе пенсионеров и др.) концепция жизненного цикла рассматривает единую совокупность нескольких демографических переменных членов одной семьи. Ограничением подхода является то, что внимание сосредоточивается на семьях, проходящих наиболее типичные жизненные циклы. Часть домохозяйств, проходящих альтернативные циклы, может не учитываться при исследовании (циклы с повторными браками, рождением детей вне брака, не нуклеарные, а расширенные семьи и др.). Эти аспекты отмечали и зарубежные исследователи (Axinn, Levin 1979), и отечественные ученые (Римащевская 2003; Волков, Сороко 1999).

Для целей данной работы особый интерес представляют исследования, применяющие подходы жизненного цикла для анализа благосостояния домохозяйств. Концепция жизненного цикла в мировой литературе не раз использовалась для анализа показателей доходов, сбережений, потребления и других характеристик материального положения семей. Еще в начале XX века исследования показывали, что в жизненном цикле существуют периоды, когда семья экономически более уязвима – моменты рождения детей, начало детьми самостоятельной жизни и уход супругов с рынка труда на пенсию (Hunter 1904; Rowntree 1906). Отмечались различия в показателях доходов, сбережений и потреблении товаров длительного пользования на разных этапах жизненного цикла (Lansing, Morgan 1955). В более поздних работах было показано, что смена состава семьи тесно связана с изменением благосостояния (брак и развод, рождение и отделение ребенка и др.) (Duncan et al. 1984). Стадия жизненного цикла является существенным предиктором того, является ли домохозяйство бедным. Так как благосостояние домохозяйств зависит от числа зарабатывающих членов и их способностей, а также числа иждивенцев на разных этапах жизненного цикла, ситуация может отличаться для полных и неполных семей. Например, в одном из исследований было установлено, что полные семьи наиболее уязвимы к бедности на стадии рождения детей и в момент, когда дети покидают родительскую семью. В свою очередь неполные семьи более уязвимы, когда в семье есть дети младшего возраста (Tuttle 1989). В другой работе, наоборот, показано, что в семьях с двумя родителями отделение ребенка положительно влияет на материальное положение семьи, а в неполных – ухудшает его, так как взрослые дети зачастую являются важным источником дохода таких семей (Duncan et al. 1984). Для бедных семей влияние

взрослых детей на материальное положение домохозяйства сильнее (Tuttle 1989). Высокие риски бедности неполных семей привлекают к этой категории особое внимание и требуют отдельного рассмотрения этапов их жизненного цикла.

В исследовании (Lansing, Kish 1957) показано, что переменные жизненного цикла лучше описывают вариацию в доходах и потреблении, чем возраст. Взаимосвязь между составом семьи и экономическим благополучием динамична и меняется с течением времени. Панельные обследования позволяют проследить динамику благосостояния домохозяйств на протяжении смен стадий жизненного цикла. Такими исследованиями (например, (Bane, Ellwood 1986; Duncan et al. 1984)) было подтверждено влияние фактора жизненного цикла – выход на рынок труда, отделение ребенка от родительской семьи – на экономическое положение семьи. Среди событий, ведущих к попаданию в бедность, отмечается не только снижение заработка членов семьи, но и такие события, как образование неполной семьи или появление нового члена семьи (Bane, Ellwood 1986). В то же время Вайс установил (Weiss 1984), что почти в четверти случаев выход из бедности был связан с изменениями уровня заработков не главы домохозяйства, а его жены или выросших детей.

В России также накоплен значительный опыт в изучении жизненного цикла семей. Вместе с тем в литературе широко представлены работы о материальном положении российских домохозяйств, об уровне бедности семей с детьми или пожилых, или других групп населения (Бобков, Одинцова 2021; Тихонова и др. 2018; Гришина 2018; Овчарова 2019; Малева и др. 2019). Во многих работах отмечается, что рождение ребенка – один из основных факторов бедности (Лежнина 2014; Гришина 2018; Овчарова 2019). Однако работ, где вопросы материального положения домохозяйств рассматриваются в рамках концепции жизненного цикла, очень мало. Например, в начале 2000-х Н.М. Римащевская (2003) исследовала, как меняется суммарная заработная плата работников семьи и средний заработок работающего члена семьи в течение разных периодов ее существования. Ряд работ сфокусирован на теоретических аспектах применения концепции жизненных циклов при изучении российских семей (Жеребин, Болдышева, Ермакова 2006; Волков, Сороко 1999; Стародубцева, Солодкова 2023). Изучаются и такие аспекты, как сберегательное, финансовое поведение на разных стадиях жизненного цикла (Бурдяк 2014; Белехова 2022b), положение средних классов на основе концепции жизненного пути (Малева, Бурдяк, Тынди́к 2015). В то же время, несмотря на важность темы, в последние годы в России почти не исследовалось, как меняется материальное положение домохозяйств на разных этапах жизненного цикла, и данная работа восполняет этот пробел. Подчеркнем, что в данной работе мы расширяем применение концепции жизненного цикла семьи, так как учитываем все типы домохозяйств, включая одиноких, как это принято в российской статистике.

На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2013 и 2022 г. (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2013, 2022) мы показываем, как меняются медианные доходы и риски бедности в зависимости от этапов жизненного цикла. Этапы жизненного цикла включают в себя несколько стадий, начиная с этапа одиноко проживающей молодежи и заканчивая одиноким проживанием пожилого человека. Цель работы состоит в выявлении различий в материальном положении домохозяйств, находящихся на разных этапах жизненного цикла. Для достижения цели разработана типология домохозяйств, изучена структура российских домохозяйств в рамках концепции жизненного цикла в 2013 и 2022 г., проанализированы медианные

среднедушевые доходы на разных этапах жизненного цикла, рассчитан уровень бедности в домохозяйствах каждого типа в 2013 и 2022 г. и оценены риски их бедности. Кроме того, рассчитана доля каждого типа домохозяйств среди бедного населения в 2013 и 2022 гг. и проведен анализ влияния изменений в структуре домохозяйств на уровень бедности с помощью метода «сдвиг-доля» (shift-share analysis).

Научный вклад данной работы состоит в разработке адаптированной к российским реалиям типологии домохозяйств на разных этапах жизненного цикла, в выявлении этапов большей экономической уязвимости домохозяйств, а также в оценке влияния демографических изменений на уровень бедности.

Методология исследования

Для разработки методологии исследования и построения актуальной типологии домохозяйств на разных этапах жизненного цикла опишем существующие в литературе подходы к решению данной задачи и типологии, послужившие основой для данной работы (таблица 1).

Применение типологии Таттла (Tuttle 1989) осложняется необходимостью использования ретроспективных данных (данных о том, покинул ли ребенок семью в течение прошлого года). При распределении домохозяйств с несколькими детьми определяющим является возраст старшего ребенка, проживающего в семье родителей. В типологии не учитываются домохозяйства, состоящие из одного члена. Есть указание, что неполные семьи проходят аналогичные стадии, за исключением первой (создание семьи). Состав семьи (нуклеарная или расширенная) не учитывается при определении типа семьи. Типология Баркero и Трехос (Barquero, Trejos 2005) основана на возрасте женщины и возрасте детей. Для домохозяйств с несколькими детьми определяющим является возраст старшего ребенка. В типологии не выделены молодые одинокие люди. Неполные семьи учитываются совместно с полными семьями, но, так как есть указание на наличие либо отсутствие партнера, при необходимости неполные семьи могут быть выделены отдельно. Наличие или отсутствие других взрослых членов домохозяйства не учитывается при определении типа семьи. В типологии Бурдяк (Бурдяк 2014) основными факторами служат возраст одиноко проживающего человека, женщины или обоих партнеров, а также возраст детей. Учитываются домохозяйства одиноко проживающих людей молодого, среднего и старшего возрастов. Есть пересечение между типами «одиночки моложе 36 лет, проживающие с родителями» и «пары с детьми от 16 до 25 лет». Попадание респондента и его семьи в определенный тип домохозяйства зависит от того, является ли он взрослым ребенком или родителем взрослого ребенка. Пары с несколькими детьми распределяются по типам в соответствии со средним возрастом всех детей. Наличие или отсутствие расширенной семьи не учитывается при определении типов. Неполные семьи на любой стадии жизненного цикла выделены в отдельный тип «монородительские семьи».

Таблица 1. Типологии домохозяйств на разных этапах жизненного цикла

Типология	Источник
<p>В исследовании подчеркивается важность взрослых детей в финансовом положении семьи. Выделено 7 стадий:</p> <ul style="list-style-type: none"> - 1 стадия – создание семьи, семья состоит только из мужа и жены, глава домохозяйства в возрасте до 35 лет включительно; - 2 стадия – рождение детей, старшему ребенку в семье меньше 6 лет; - 3 стадия – дети школьного возраста, старшему ребенку в семье 6-13 лет; - 4 стадия – подростковый период, старшему ребенку 14-17 лет; - 5 стадия – стадия молодого взрослого, хотя бы один ребенок в возрасте 18-29 лет, продолжает жить в домохозяйстве, ни один ребенок не покинул семью в течение предыдущего года; - 6 стадия – дети покидают семью, по крайней мере один ребенок покинул семью в течение предыдущего года; - 7 стадия – пустое гнездо, все дети покинули родительскую семью. <p>В случае семей, возглавляемых женщинами, нет первой стадии, остальные стадии повторяют цикл полной семьи.</p>	(Tuttle 1989)
<p>Определяющими переменными являются возраст женщины и возраст детей. Одинокие домохозяйства также разделены в зависимости от возраста человека. Всего выделено 10 этапов жизненного цикла.</p> <p>Типология:</p> <ul style="list-style-type: none"> - пара без детей, где женщине до 40 лет; - деторождение: глава с/без партнера, старший ребенок от 0 до 5 лет; - расширение: глава с/без партнера, старший ребенок от 6 до 11 лет; - консолидация: глава с/без партнера, старший ребенок от 12 до 17 лет; - стабилизация: глава с/без партнера, старший ребенок 18 лет или старше и младший ребенок до 18 лет; - выход из гнезда: глава с/без партнера, младший ребенок 18 лет или старше; - пустое гнездо: пара, женщине 40 лет и более; - не нуклеарная: глава без партнера или детей и другие родственные или не родственные члены домохозяйства; - одинокий взрослый: только глава в возрасте до 60 лет; - одинокий пожилой человек: только глава старше 60 лет. 	(Barquero, Trejos 2005)
<p>Определяющими переменными являются возраст, семейный статус, наличие и возраст детей.</p> <p>Выделено 12 этапов жизненного цикла:</p> <ul style="list-style-type: none"> - одиночки моложе 36 лет, проживающие с родителями; - одиночки моложе 36 лет, проживающие отдельно; - бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет; - пары с детьми младше 5 лет; - пары с детьми от 6 до 15 лет; - пары с детьми от 16 до 25 лет; - пары, в которых женщине от 45 до 59 лет, проживающие без детей (пустое гнездо); - пары, в которых оба партнера старше 60 лет, проживающие без детей; - одиночки старше 60 лет; - монородительские семьи (любого возраста); - одиночки 36-60 лет; - прочие. 	(Бурдяк 2014)

Источники: (Tuttle 1989; Barquero, Trejos 2005; Бурдяк 2014).

Используя сильные стороны каждой из представленных типологий, в рамках данного исследования мы предлагаем следующую типологию домохозяйств на разных этапах жизненного цикла в целях анализа уязвимости к бедности (таблица 2). Мы сместили возраст детей на первом этапе появления ребенка до 6 лет, так как школьный возраст в России начинается в основном после достижения ребенком 7 лет. Чтобы исключить

пересечение в типах семей, молодые одиночки, проживающие с родителями, до 25 лет учитываются в составе типа «пары с детьми от 16 до 25 лет», а с 26 до 36 лет – в составе типа «одиночки от 26 до 36 лет, проживающие с родителями». Возраст женщины в паре до 45 лет и от 46 до 59 лет берется как критерий для разделения пар, в которых еще могут появиться дети, и пар, находящихся на этапе пустого гнезда. Несмотря на то, что репродуктивный возраст в демографии находится в пределах 15-49 лет, мы, ориентируясь на опыт многих российских и зарубежных демографов, используем 45 лет в качестве границы для формирования типов домохозяйств ввиду крайне незначительной доли рождений среди женщин более старших возрастов. Возраст от 60 лет берется как критерий для определения этапов, связанных со старением (пожилые пары и пожилой одинокий человек) в соответствии с классификацией возрастов ВОЗ, действовавшей в 2022 г. Отдельно были выделены домохозяйства с неполными семьями, так как исследования показывают, что неполные семьи в России демонстрируют более высокие риски бедности (Смирнов, Селиванова 2023; Селиванова, Коробкова 2024), а также в литературе отмечены отличия в их уязвимости на разных этапах жизненного цикла (Duncan et al. 1984; Tuttle 1989; McLanahan, Percheski 2008). Также разделены простые и сложные домохозяйства, так как сложные домохозяйства демонстрируют более высокую устойчивость к бедности благодаря эффекту масштаба, более низкой иждивенческой нагрузке (Calvi et al. 2023). Простые домохозяйства – это супруги с детьми или без детей, матери/отцы с детьми, сложные домохозяйства – в состав которых входят также другие взрослые (Прокофьева, Корчагина, 2023). При распределении домохозяйств с несколькими детьми определяющим является возраст старшего ребенка. Таким образом, в данном исследовании под жизненным циклом домохозяйств понимается модель, описывающая смену этапов развития домохозяйств, обусловленную демографическими событиями (наличие партнера, рождение детей, их взросление, старение членов домохозяйства). Этап жизненного цикла определяется комбинацией критериев: возрасты одиноко проживающего человека, женщины в парах, старшего ребенка в домохозяйствах с детьми. В типологии выделены этапы для простых и сложных домохозяйств, полных и неполных семей с детьми, которые определяются через наличие других взрослых, кроме семейной ячейки, отсутствием партнера в домохозяйстве с детьми.

Эмпирическая основа работы построена на данных национально репрезентативного обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ, волны 22-я (2013 г.) и 31-я (2022 г.) (НИУ Высшая школа... 2025). Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяют отследить, как изменилась структура домохозяйств, и рассчитать уровень бедности среди домохозяйств на разных этапах жизненного цикла по итогам десятилетия в 2022 г. (31-я волна опроса) по сравнению с 2013 г. (22-я волна опроса). Анализ выполнен с использованием весовой переменной для обеспечения репрезентативности результатов.

Таблица 2. Авторская типология домохозяйств на разных этапах жизненного цикла

Этап 1: Формирование домохозяйства	
Простые	одиночки от 18 до 35 лет, проживающие отдельно
Сложные	бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет
Сложные	бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет, прочие взрослые
Этап 2: Деторождение – домохозяйства с детьми, старший ребенок от 0 до 6 лет	
Простые	пары с детьми, старший ребенок от 0 до 6 лет
Сложные	пары с детьми, старший ребенок от 0 до 6 лет (включительно), прочие взрослые
Простые Неполные	глава без партнера, старший ребенок от 0 до 6 лет
Сложные Неполные	глава без партнера, старший ребенок от 0 до 6 лет, прочие взрослые
Этап 3: Школьники – домохозяйства с детьми, старший ребенок от 7 до 15 лет	
Простые	пары с детьми, старший ребенок от 7 до 15 лет
Сложные	пары с детьми, старший ребенок от 7 до 15 лет, прочие взрослые
Простые Неполные	глава без партнера, старший ребенок от 7 до 15 лет
Сложные Неполные	глава без партнера, старший ребенок от 7 до 15 лет, прочие взрослые
Этап 4: Выход из гнезда	
Простые	пары с детьми, старший ребенок от 16 до 25 лет
Сложные	пары с детьми, старший ребенок от 16 до 25 лет, прочие взрослые
Простые Неполные	глава без партнера с детьми, старший ребенок от 16 до 25 лет
Сложные Неполные	глава без партнера, старший ребенок от 16 до 25 лет, прочие взрослые
	одиночки от 26 до 35 лет, проживающие с родителями
Этап 5: Взрослые и пожилые без детей	
«Пустое гнездо»	пары, в которых женщине от 46 до 59 лет, проживающие без детей
Одинокий взрослый	только глава в возрасте от 36 до 59 лет
Бездетные пожилые пары	пары, в которых женщина старше 60 лет, проживающие без детей
Одинокий пожилой	только глава, 60 лет и старше
Другие типы	
	Прочие (все остальные)

Источники: Разработано авторами.

Работа с данными РМЭЗ НИУ ВШЭ технически выстроена следующим образом. К файлу индивидуального опросника с помощью идентификационных переменных о номере волны и домохозяйства присоединены данные из файла сводных данных с идентификационными номерами всех родственников каждого человека. Затем все респонденты распределены на типы домохозяйств, в которых они проживают (таблица 2). Часть домохозяйств не попадает в основные, выделенные нами типы домохозяйств – они сформировали группу «Прочие». В этой группе присутствуют, например, проживающие с внуками бабушки и дедушки, проживающие совместно братья и сестры в возрасте 60 лет и старше, совместно проживающие люди, не связанные родством. Туда же попадают домохозяйства, для которых нет возможности выявить возраст детей либо супруги.

После определения типа домохозяйства в файле с индивидуальными данными определяется статус домохозяйства, а именно, входит ли оно в группу бедного населения. Для этого размер месячных номинальных доходов домохозяйства (в ценах соответствующего периода) из сводного файла о доходах и расходах домохозяйства присоединяется к индивидуальным данным с помощью идентификатора волны и домохозяйства. Затем к каждому наблюдению на основе данных о регионе проживания и номере волны присоединены размеры регионального прожиточного минимума и

региональной границы бедности (взяты с сайта Росстата ¹) с учетом возрастной группы (дети, трудоспособные, старше трудоспособного возраста) и рассчитан ежемесячный размер прожиточного минимума на домохозяйство. После этого сконструирована переменная, равная единице, если среднедушевой месячный доход домохозяйства ниже размера прожиточного минимума, и нулю в обратном случае.

В процессе работы с данными часть наблюдений исключена ввиду отсутствия необходимой базовой информации (нет доходов, они равны нулю или отрицательны, неизвестен возраст респондентов). Итоговое число наблюдений: 16 087 в 22-й волне, 11 976 в 31-й волне. Число домохозяйств: 6147 в 22-й волне, 4818 в 31-й волне.

Уровень бедности рассчитывается на основе абсолютного подхода, соответствующего официальному определению уровня бедности в России. До 2021 г. черта бедности определялась прожиточным минимумом (ПМ), который рассчитывался как стоимость минимального набора продуктов питания, товаров и услуг и утверждался законодательно на год в целом по населению и для отдельных групп (трудоспособные, дети, пожилые). Официальный показатель уровня бедности отражал долю населения с доходами ниже ПМ. С 2021 г. для расчета официального показателя уровня бедности стала использоваться граница бедности (ГБ). Граница бедности рассчитывается как зафиксированный прожиточный минимум на IV квартал 2020 г., индексирующийся на уровень официальной инфляции. В настоящее время официальный уровень бедности отражает долю населения с доходами ниже ГБ. В данной работе использован расчет уровня бедности на основе уровня прожиточного минимума в 2013 г. и границы бедности в 2022 г. В 2022 г. разница в уровне бедности, рассчитанном на основе ГБ и ПМ, составила, по нашим оценкам на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, 0,9 п.п. Таким образом, несмотря на смену методологии, возможно анализировать изменения в уровне бедности в 2022 г. относительно 2013 г., принимая во внимание, что введение границы бедности несколько занижает уровень бедности в 2022 г.

Отметим, что в данной работе рассчитанный уровень бедности завышен (в сравнении с официальной статистикой Росстата) ввиду смещения выборки в пользу более низкодоходных групп населения, что характерно для большинства выборочных обследований населения. Несопоставимость оценок вызвана тем, что Росстат делает «переоценку» распределения доходов, в то время как выборочные обследования всегда смещены в сторону малообеспеченных групп (Белопашенцева 2022; Карабчук, Пашинова, Соболева 2013).

На основе рассчитанных уровней бедности был проведен анализ рисков бедности на разных этапах жизненного цикла в 2013 и 2022 г. Риск бедности определяется как отношение уровня бедности в определенной демографической или социально-экономической группе к общему уровню бедности среди всего населения. Чем выше показатель риска, тем сильнее данная группа представлена среди малоимущих слоев населения. Если значение риска равно единице, это указывает на то, что вероятность оказаться в условиях бедности для этой группы соответствует среднему уровню по всем домохозяйствам ².

¹ Росстат. Прожиточный минимум. Граница бедности. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>

² Росстат. Организационные и методологические положения. https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_110/lssWWW.exe/Stg/metod.htm#_ftn1

Начиная с 2013 г., Росстат рассчитывает и публикует несколько индикаторов относительной доходной бедности, в том числе медианный среднедушевой денежный доход³. В данной работе проведен анализ уровня медианного дохода на разных этапах жизненного цикла домохозяйств в 2013 и 2022 г. Медианные доходы отражают типичное положение домохозяйств на разных этапах жизненного цикла и менее подвержены влиянию выбросов по сравнению со средними доходами, так как медианные доходы являются центральным значением в отсортированном наборе данных. Независимо от того, насколько велики или малы экстремальные значения, медиана не будет сильно подвержена их влиянию. При высоком уровне доходного неравенства, как в России, особенно актуально использование в анализе подхода с использованием медианных доходов ввиду того, что социальная политика государства направлена как раз на «среднего» россиянина, а средние доходы будут значительно завышать доходные показатели.

В России, как и в других странах, происходят демографические изменения (например, рост доли одиноко проживающих и др.). Один из вопросов, который имеет особое значение – потенциальное влияние таких изменений на уровень бедности в стране в целом. Для ответа на данный вопрос был использован метод «сдвиг-доля» (shift-share analysis).

Впервые метод «сдвиг-доля» для анализа изменений в уровне бедности был предложен более трех десятилетий назад в работе (Ravallion, Huppi 1991)⁴. Авторы использовали этот метод для разложения изменений в уровне бедности на компоненты, связанные с изменением уровня бедности внутри подгруппы и изменением относительного веса подгрупп. Далее такой подход использовался неоднократно в разных странах. Так, было обнаружено, что стагнация бедности в Коста-Рике в период с 1994 по 2002 г. объясняется не демографическими изменениями, причем эффект от демографических изменений в разных демографических группах нейтрализует друг друга (Barquero, Trejos 2005). В исследовании в Перу и Колумбии авторы пришли к выводу, что изменения в уровне бедности в этих странах в 2012 г. по сравнению с 2003 г. также не были связаны с демографическими изменениями, а стали результатом экономических изменений в жизни домохозяйств (Cuesta, Rios-Salas, Meyer 2017). В работе (Cancian, Reed 2008) с помощью метода «сдвиг-доля» авторы показали, что изменения в структуре семьи (рост доли неполных семей) привели бы к увеличению уровня бедности на 2,6 п.п. (с 11,5% в 1969 г до 14,1% в 2006 г), если бы другие факторы оставались неизменными. При этом, по расчетам авторов, рост занятости женщин компенсировал этот эффект, снизив уровень бедности на 1,4 п.п.

Суть данного метода – это экспериментальный расчет, отражающий, как изменился бы уровень бедности населения, если бы структура типов домохозяйств изменилась,

³ Росстат. Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sr_moda_mediana.pdf

⁴ Данный подход является адаптацией широко распространенного, классического в статистике *индексного метода* (index numbers method), корнями уходящими к работам Г. Пааше и Э. Ласпейреса в последней трети XIX в., и предполагающего возможность разложения различий в величине агрегатных индексов, имеющих структурную компоненту, как в мультипликативной, так и в аддитивной форме, см.: (Аллен (1980), а также многочисленные учебники по общей теории статистики. Из индексного метода непосредственно вытекает и широко распространенная его адаптация в демографии – метод прямой и косвенной стандартизации общих коэффициентов. Прим. Ред.

а уровни бедности внутри каждого типа домохозяйств остались неизменными. В нашем исследовании подгруппы представляют собой типы домохозяйств на разных этапах жизненного цикла. Для расчета сдвига в общем уровне бедности мы фиксируем показатели бедности всех типов домохозяйств на уровне 2013 г. и рассчитываем два уровня бедности: реальный (для 2013 г.) и расчетный (для 2022 г., какая была бы бедность в 2022 г., если бы за девятилетний период изменилась только структура домохозяйств, а уровень бедности каждого из типов домохозяйства остался таким же, как и в 2013 г.).

Разложение изменения бедности за счет изменения структуры и изменения уровней бедности в каждом типе домохозяйства можно представить следующим образом (формула 1):

$$\begin{aligned}
 P^{22} - P^{13} &= \sum_i P_i^{22} \cdot Y_i^{22} - \sum_i P_i^{13} \cdot Y_i^{13} = \\
 &= \sum_i P_i^{22} \cdot Y_i^{22} - \sum_i P_i^{13} \cdot Y_i^{13} + \sum_i P_i^{13} \cdot Y_i^{22} - \sum_i P_i^{13} \cdot Y_i^{22} = \\
 &= \left(\sum_i P_i^{22} \cdot Y_i^{22} - \sum_i P_i^{13} \cdot Y_i^{22} \right) + \left(\sum_i P_i^{13} \cdot Y_i^{22} - \sum_i P_i^{13} \cdot Y_i^{13} \right) = \\
 &= \sum_i Y_i^{22} \cdot (P_i^{22} - P_i^{13}) + \sum_i P_i^{13} \cdot (Y_i^{22} - Y_i^{13}),
 \end{aligned} \tag{1}$$

где: i – тип домохозяйства, P^{22} – уровень бедности в 2022 г., P^{13} – уровень бедности в 2013 г., P_i^{13} – уровень бедности в i -м типе домохозяйства в 2013 г., P_i^{22} – уровень бедности в i -м типе домохозяйства в 2022 г., Y_i^{13} – доля i -го типа домохозяйства среди всех домохозяйств в 2013 г. (структура домохозяйств 2013 г.), Y_i^{22} – доля i -го типа домохозяйства среди всех домохозяйств в 2022 г. (структура домохозяйств 2022 г.).

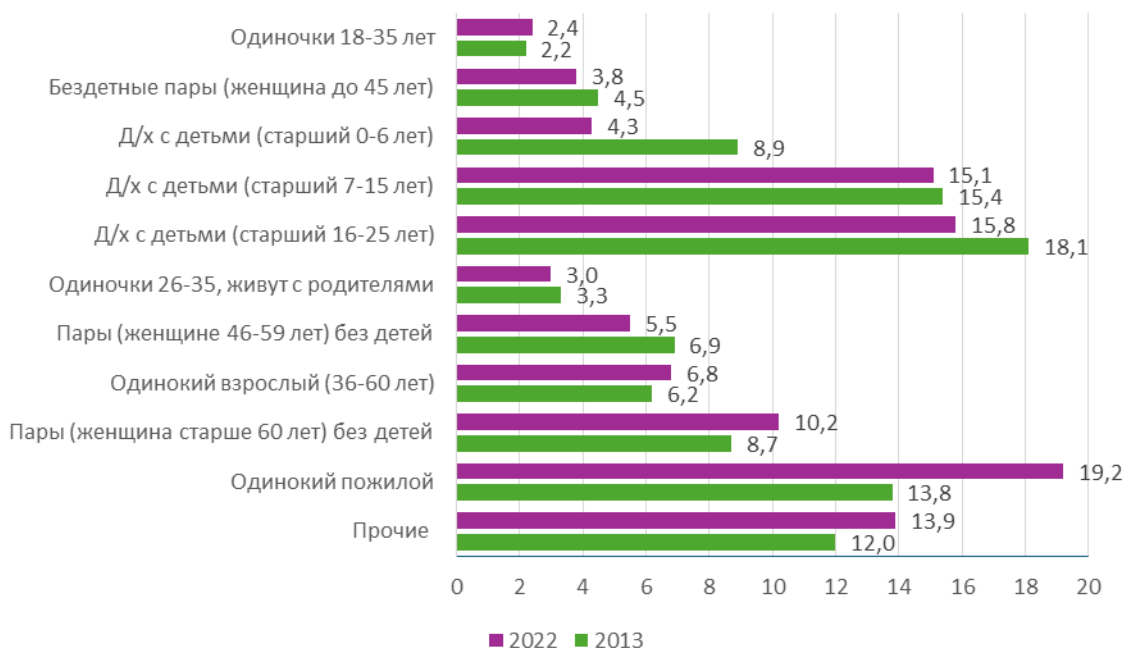
Завершающая итерация в формуле 1 представлена двумя слагаемыми. Первое слагаемое показывает, как изменяется бедность за счет изменения в уровнях бедности в каждом типе домохозяйства, второе – за счет сдвигов в структуре домохозяйств. Цель данной работы состоит в том, чтобы измерить изменение бедности, приходящееся на изменение в структуре домохозяйств, поэтому мы зафиксировали уровень бедности в каждом типе домохозяйства на уровне 2013 г. Это обнулило первое слагаемое формулы. Дальнейшие выводы в работе построены с фокусом на второе слагаемое.

Результаты исследования

Структура домохозяйств по этапам жизненного цикла

Рассмотрим структуру российских домохозяйств с учетом этапов жизненного цикла и как эта структура изменилась в 2022 г. по сравнению с 2013 г. За рассматриваемый период ощутимо снизилась доля домохозяйств с детьми младшего возраста, где старшему ребенку не более 6 лет (с 8,9 до 4,3%). Также немного снизилась доля домохозяйств, старший ребенок в которых уже достиг трудоспособного возраста (с 18,1 до 15,8%). Существенно выросла доля одиноко пожилых людей (старше 60 лет) – с 13,8 до 19,2% (рисунки 1).

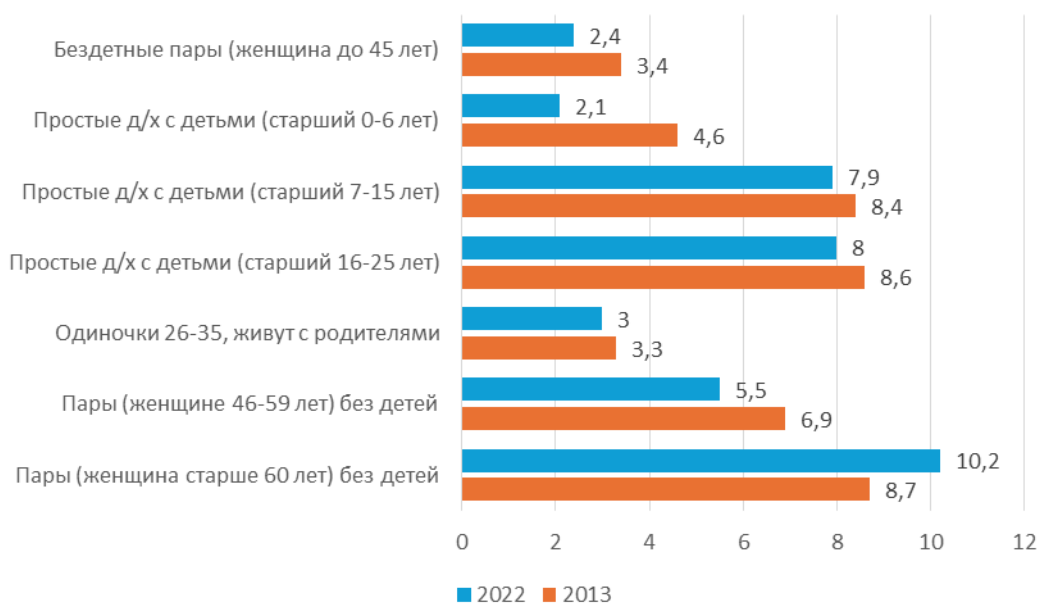
Рисунок 1. Доля домохозяйств на разных этапах жизненного цикла, 2013 и 2022, %

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Примечание: Д/х – домохозяйство.

Рисунок 2. Доля простых домохозяйств на разных этапах жизненного цикла, 2013 и 2022, %

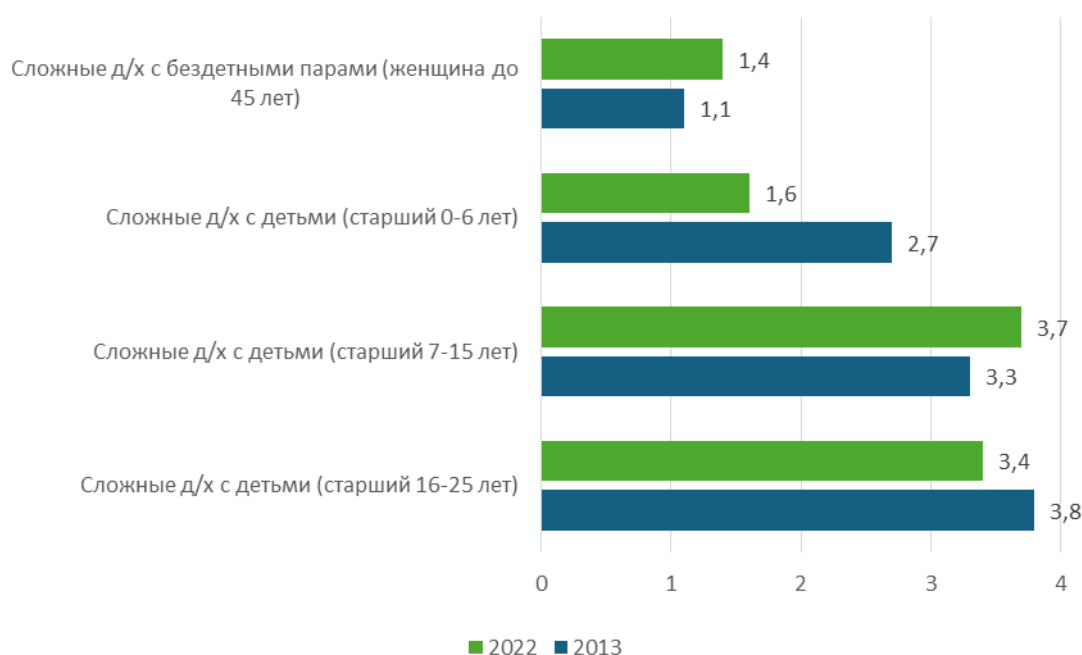
Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Примечание: Д/х – домохозяйство.

Рассмотрим изменения в простых и сложных домохозяйствах с детьми, в том числе полных и неполных. Среди простых домохозяйств можно отметить снижение доли бездетных пар, в которых женщина моложе 46 лет (с 3,4% в 2013 г. до 2,4% в 2022 г.) и бездетных пар на стадии «пустое гнездо» (с 6,9 до 5,5%). Также снизилась доля домохозяйств на стадии деторождения (у которых старший ребенок находится в возрасте до 6 лет) с 4,6 до 2,1%. В целом доля простых домохозяйств (не включая неполные домохозяйства с детьми) в структуре домохозяйств снизилась с 40,6 до 36,1% (рисунок 2).

Доля сложных домохозяйств, выделенных по этапам жизненного цикла, практически не изменилась (10,0% в 2022 г. по сравнению с 10,9% в 2013 г.). При этом внутри конкретных типов можно отметить слабую разнонаправленную динамику. Так, незначительно выросла доля бездетных пар (в которых женщина моложе 46 лет) и доля домохозяйств на этапе школьного возраста детей (старший ребенок в возрасте от 7 до 15 лет). В то же время снизилась доля домохозяйств на стадии деторождения (старший ребенок в возрасте от 0 до 6 лет) и выхода из гнезда (старший ребенок от 16 до 25 лет) (рисунок 3).

Рисунок 3. Доля сложных домохозяйств на разных этапах жизненного цикла, 2013 и 2022, %

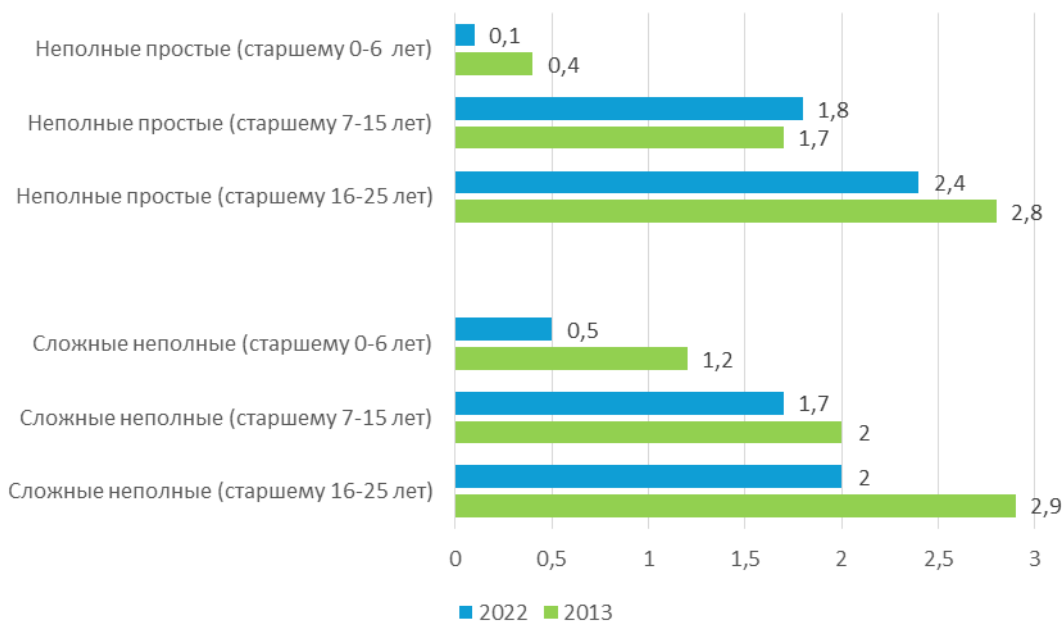

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Примечание: Д/х – домохозяйство.

Доля неполных домохозяйств с детьми тоже снизилась с 11,0% в 2013 г. до 8,5% в 2022 г. (рисунок 4). Отметим, что в связи с малой наполненностью группы в используемых данных в дальнейшем не представляется возможным анализировать положение группы простых неполных домохозяйств со старшим ребенком в возрасте от 0 до 6 лет.

Рисунок 4. Доля неполных домохозяйств на разных этапах жизненного цикла, 2013 и 2022, %

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Медианные среднедушевые доходы домохозяйств на разных этапах жизненного цикла

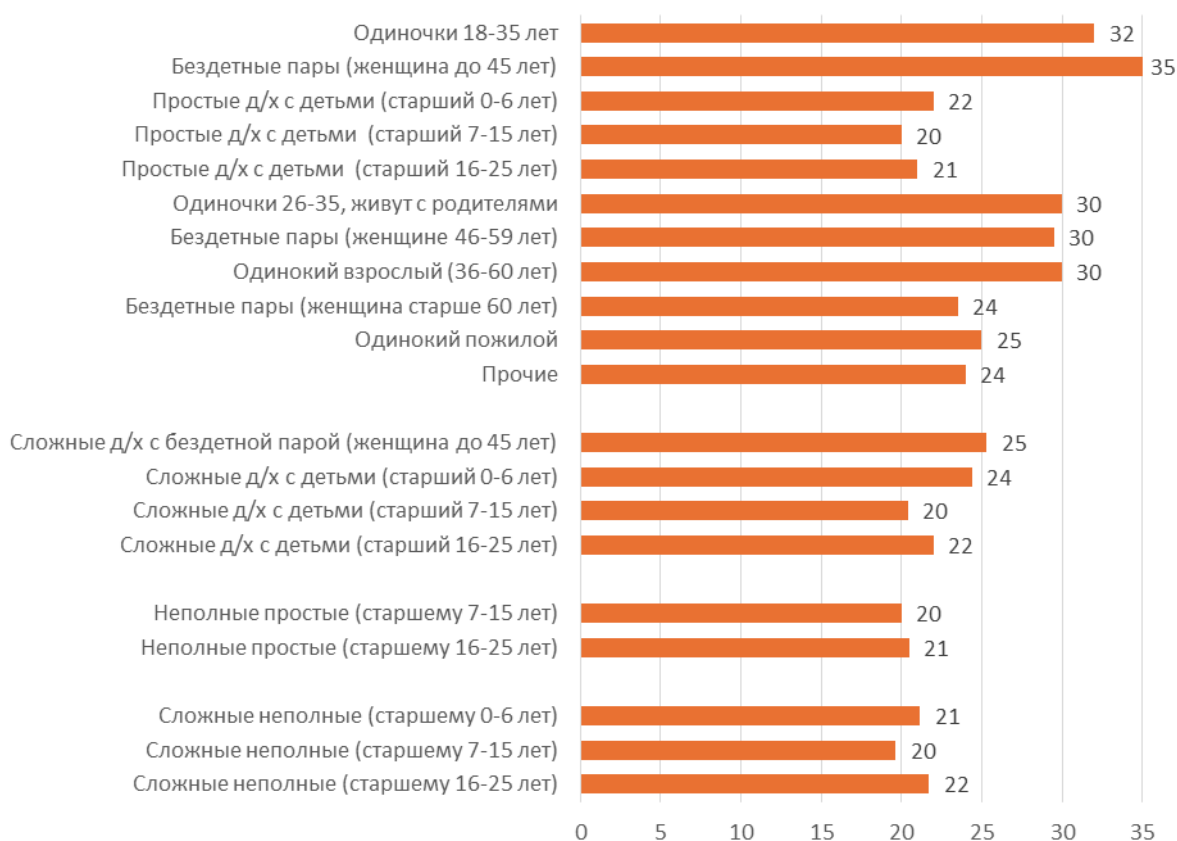
Медианные среднедушевые доходы отличаются на разных этапах жизненного цикла. В 2022 г. медианные среднедушевые доходы молодых одиноко проживающих и бездетных пар составляют 32 и 35 тыс. рублей соответственно (в ценах 2022 г.). На этапе появления ребенка в простых домохозяйствах медианные среднедушевые доходы ниже на 37% по сравнению с молодыми бездетными парами. На следующем этапе жизненного цикла, когда старшие дети достигают школьного возраста, медианные среднедушевые доходы еще ниже, что может объясняться большей долей семей с двумя и более детьми. Когда старший ребенок подрастает, домохозяйство переходит к этапу выхода из гнезда, медианные среднедушевые доходы все еще остаются низкими. Возраст старших детей в данной группе составляет от 16 до 25 лет, большая часть этих молодых взрослых продолжает учебу и не имеет существенных доходов. Далее при продолжении совместного проживания взрослого ребенка (от 26 до 35 лет) вместе с родителями медианные среднедушевые доходы уже на 43% выше по сравнению с среднедушевыми медианными доходами семей на предыдущем этапе жизненного цикла и составляют 30 тыс. рублей, что, однако, оказывается ниже показателей для бездетных молодых пар и одиноко проживающей молодежи. Аналогичные показатели имеют домохозяйства, состоящие из пар на этапе «пустое гнездо» и одиноко проживающих взрослых. Затем снижение медианных среднедушевых доходов на 20% можно отметить на следующем этапе цикла, когда возраст женщины в паре уже превышает 60 лет. У одиноких пожилых медианный среднедушевой доход – чуть выше (снижение на 17% по сравнению с одиноко проживающими в возрасте до 60 лет).

У молодых бездетных пар, проживающих в сложных домохозяйствах, медианные среднедушевые доходы на 28% ниже, чем в нуклеарных семьях (25 тыс. рублей).

При этом на этапе появления ребенка медианные среднедушевые доходы практически не отличаются (разница составляет 4%). А вот на следующем этапе цикла, когда старший ребенок находится в школьном возрасте, медианные среднедушевые доходы ниже еще на 16%. Таким образом, медианные среднедушевые доходы в сложных и простых домохозяйствах с детьми на этом этапе становятся равными.

В неполных семьях (как простых, так и в составе сложных домохозяйств) существенных отличий в медианном среднедушевом доходе по сравнению с полными семьями на тех же стадиях по данным за 2022 г. практически нет. Однако можно отметить, что в сложных домохозяйствах на этапе появления ребенка медианные среднедушевые доходы ниже, чем в сложных домохозяйствах с обоими родителями на этом этапе цикла (рисунок 5).

Рисунок 5. Медианные среднедушевые доходы на разных этапах жизненного цикла в номинальных ценах, 2022, тыс. руб.

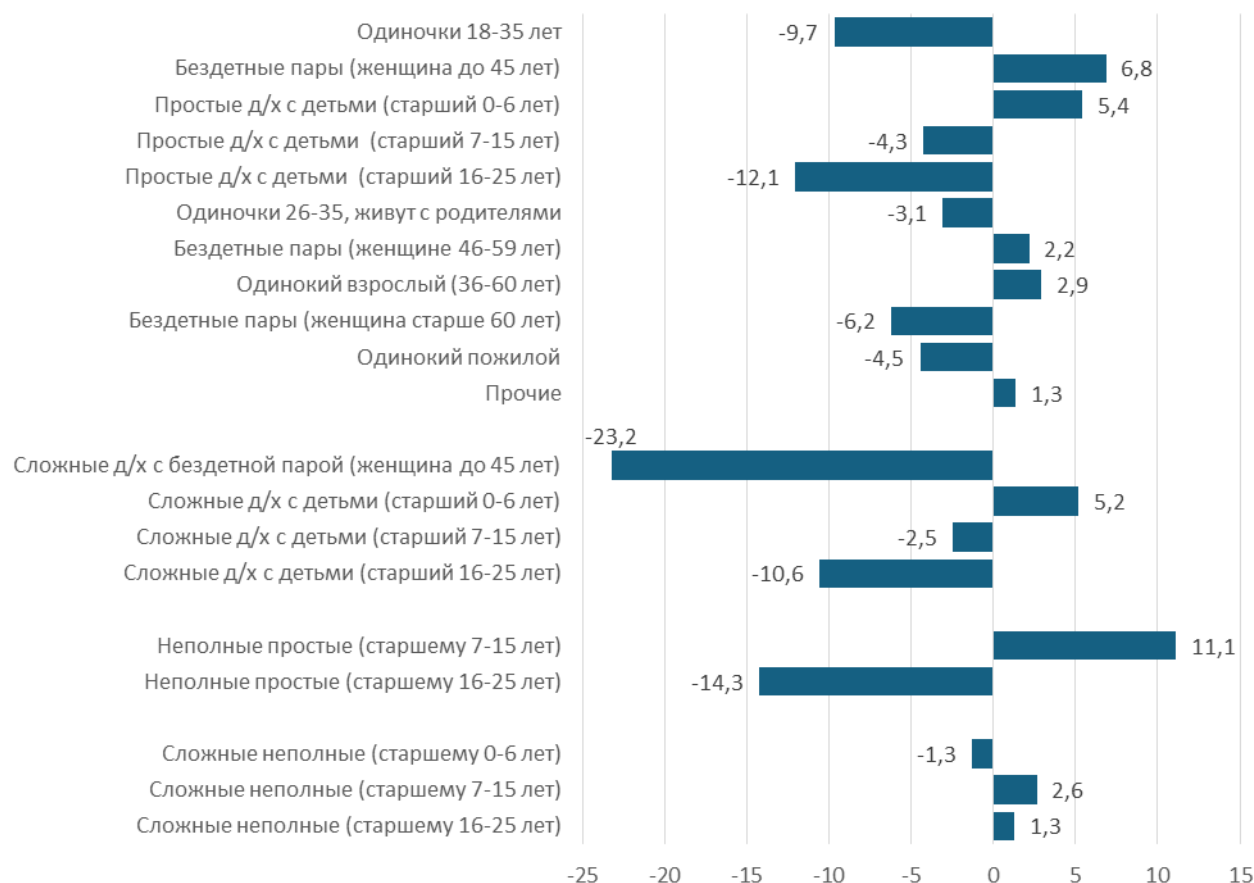
Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Примечание: д/х – домохозяйство.

В реальном выражении в 2022 г. по сравнению с 2013 г. в домохозяйствах с ребенком до 6 лет медианные среднедушевые доходы выросли на 5,4% в простых и 5,2% в сложных домохозяйствах. В неполных простых домохозяйствах со старшими детьми в возрасте от 7 до 15 лет произошел наибольший рост по сравнению со всеми другими типами домохозяйств – на 11,1%. В сложных неполных домохозяйствах с детьми аналогичного возраста рост составил только 2,6%. При этом в простых домохозяйствах на стадии выхода из гнезда медианные среднедушевые доходы снизились на 12,1%,

в сложных домохозяйствах – на 10,6%, в неполных простых – на 14,3%. В сложных домохозяйствах, включающих пару без детей, где возраст женщины до 45 лет, снижение составило 23,2%, что является максимумом среди всех типов домохозяйств. Однако надо учитывать, что такой результат может объясняться малой наполненностью группы, так как часть таких домохозяйств попала в «прочие» из-за отсутствия сведений о возрасте женщины в паре (рисунок 6).

Рисунок 6. Изменение медианных среднедушевых доходов домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла в 2022 г. относительно 2013 г. (в ценах 2013 г.), %

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Примечание: д/х – домохозяйство.

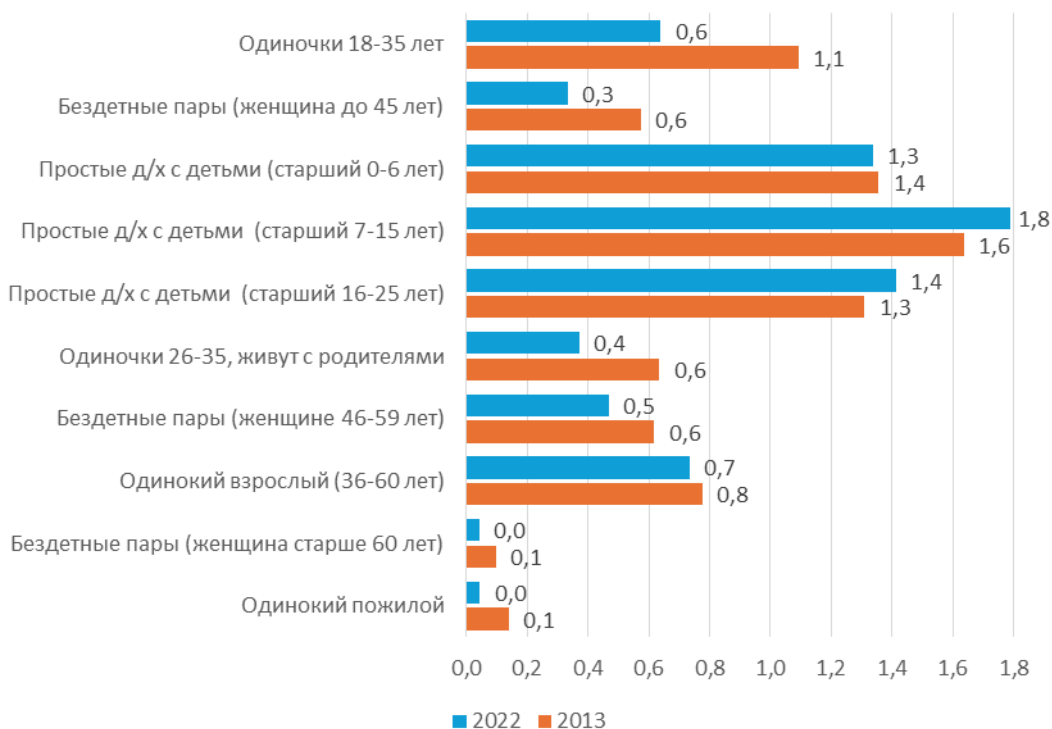
Риски бедности на разных этапах жизненного цикла

Напомним, что риск бедности рассчитывается, как соотношение уровня бедности в определенном типе домохозяйств к общему уровню бедности среди всех опрошенных. Чем выше показатель риска, тем сильнее данная группа представлена среди малоимущих. В 2022 г. самые низкие риски бедности у пожилых пар и одиноко проживающих пожилых людей (менее 0,1). Доплата к пенсии до уровня прожиточного минимума практически сводит на нет вероятность иметь доходы ниже уровня прожиточного минимума, а иждивенцев у них нет.

Низки риски бедности у бездетных пар до рождения детей, а вот с рождением детей риски бедности резко растут (с 0,3 в молодых бездетных парах до 1,3 в простых

домохозяйствах со старшим ребенком до 6 лет). В целом простые домохозяйства с детьми в 1,3-1,8 раза чаще оказываются за чертой бедности, чем все домохозяйства. Самого высокого значения риск бедности достигает на этапе, когда старшим детям от 7 до 15 лет (1,8), ведь на этом этапе выше доля домохозяйств с несколькими детьми. Причем эти риски выросли относительно 2013 г. Ситуация резко меняется, только когда ребенок вырастает, так как в большинстве случаев вместо иждивенца в домохозяйстве появляется еще один экономически активный человек. Риск бедности среди молодежи от 26 до 35 лет, продолжающей проживать с родителями, составил в 2022 г. всего 0,4. Также риск бедности резко снижается после отделения детей – в бездетных парах на этапе «пустое гнездо» риск бедности составляет всего 0,5. Среди молодежи, уже отделившейся от родителей, риск бедности также низок – 0,6 и заметно снизился по сравнению с аналогичным показателем в 2013 г. (1,1) (рисунок 7).

Рисунок 7. Риск бедности простых домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла, 2013 и 2022

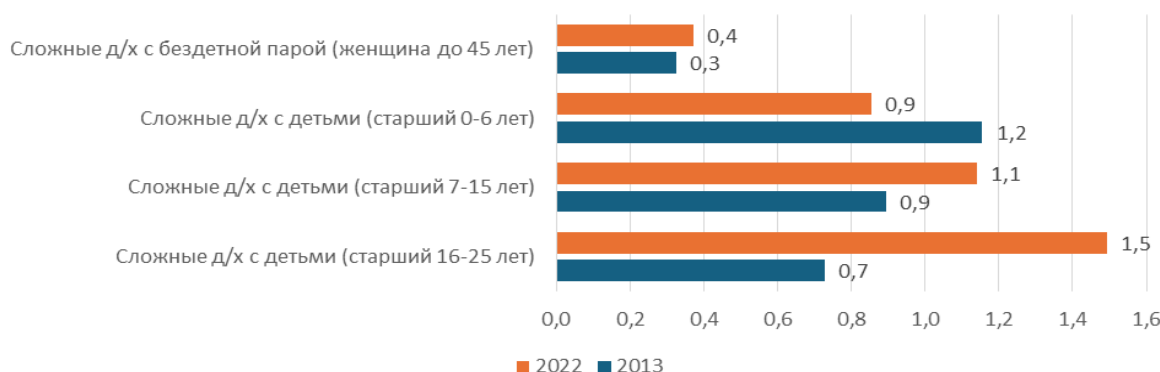

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Примечание: Д/х – домохозяйство.

В сложных домохозяйствах с детьми ситуация с бедностью несколько сглаживается за счет наличия других членов, потенциально обладающих источником доходов. Однако в 2022 г. в отличие от 2013 г. риски бедности росли по мере увеличения возраста старшего ребенка, а не снижались. По сравнению с 2013 г. риск бедности в домохозяйствах на этапе отделения ребенка от семьи (старшему от 16 до 25 лет) вырос в 2 раза (рисунок 8).

Рисунок 8. Риск бедности сложных домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла, 2013 и 2022

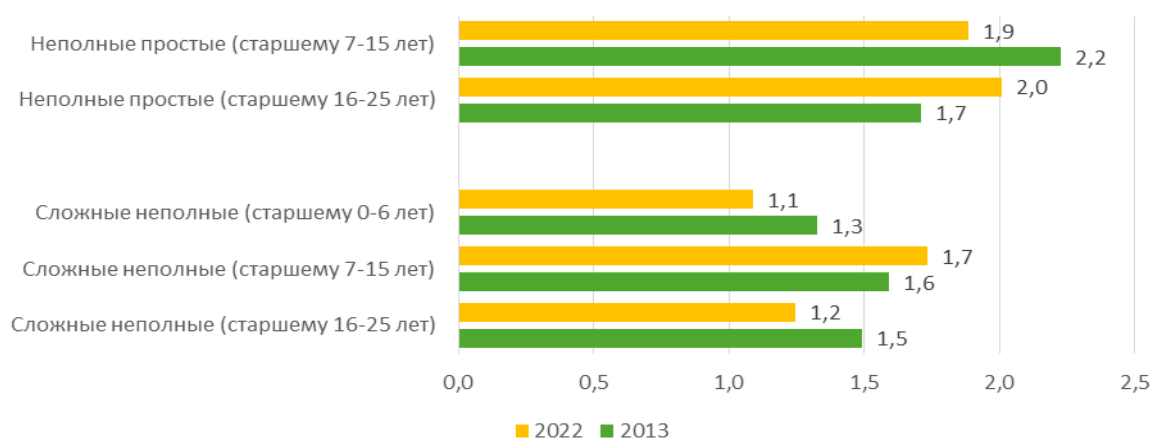
Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Примечание: Д/х – домохозяйство.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ не позволяют изучить уровень бедности в неполных домохозяйствах на каждом этапе жизненного цикла в связи с низкой наполняемостью группы простых неполных семей на этапе появления ребенка.

В неполных простых домохозяйствах наблюдается наиболее высокий уровень бедности по сравнению со всеми другими типами домохозяйств. Результаты анализа показали, что они сталкиваются с бедностью в 1,9-2 раза чаще, чем население в целом. В 2022 г. риски домохозяйств с детьми разного возраста практически сравнялись, тогда как в 2013 г. по мере взросления старшего ребенка риски постепенно снижались.

Рисунок 9. Риск бедности неполных домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла, 2013 и 2022

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

В сложных неполных домохозяйствах ситуация складывается несколько лучше. В домохозяйствах с детьми младшего возраста риск бедности ниже, чем в домохозяйствах с детьми более старшего возраста, и в 2022 г. находился практически на среднем уровне для всего населения (1,1). Затем риски бедности растут на этапе взросления ребенка (до 1,7) и вновь снижаются на этапе выхода из гнезда (рисунок 9).

Доля домохозяйств на разных этапах жизненного цикла среди бедных

Если анализировать структуру бедности через предложенную демографическую типологию на основе этапов жизненного цикла, то можно сказать, что большую часть бедных составляют полные простые домохозяйства на этапе школьного возраста старших детей (старший ребенок от 7 до 15 лет) и на стадии выхода из гнезда (старший ребенок от 16 до 25 лет). Такие домохозяйства в 2022 г. составляют 20,8 и 15,2% среди всех бедных домохозяйств, тогда как среди всех домохозяйств они составляют только 7,9 и 8,0%, соответственно. При этом по сравнению с 2013 г. доля домохозяйств этих типов среди бедных выросла на 6,7 п.п.

Пары на стадии деторождения (старший ребенок до 6 лет) составляют только 4,6% среди бедных домохозяйств в 2022 г. Их доля существенно снизилась по сравнению с ситуацией в 2013 г., когда они составляли 10,3% бедных домохозяйств.

Все неполные домохозяйства с детьми (как простые, так и сложные) на всех этапах жизненного цикла составляют 20,2% бедных домохозяйств в 2022 г. (тогда как в структуре домохозяйств их только 8,5%). Их доля среди бедных практически не изменилась по сравнению с 2013 г. (21,1%). При этом среди них больше всего домохозяйств на этапе выхода из гнезда, когда возраст старшего ребенка превышает 16 лет – они составляют 10,4% всех бедных домохозяйств.

Отметим, что одинокие взрослые (от 36 до 60 лет) составляют в 2022 г. 6,7% среди всех бедных домохозяйств, причем для этой категории населения практически не предусматривается социальная поддержка (за исключением небольших выплат в рамках государственной социальной помощи). Доля одиноких взрослых среди бедных домохозяйств также выросла по сравнению с 2013 г. (5,5%).

Влияние изменений в структуре домохозяйств на уровень бедности

Метод «сдвиг-доля» (shift-share analysis) позволяет ответить на вопрос, влияют ли происходящие изменения в структуре домохозяйств на уровень бедности в стране. Метод дает возможность определить, как изменился бы общий уровень бедности, если бы изменилась только структура домохозяйств, а уровни бедности для каждого типа домохозяйств остались прежними. Гипотеза исследования состояла в том, что происходящие изменения в структуре домохозяйств являются одним из факторов снижения уровня бедности.

Уровень бедности в 2022 г. в целом составил по расчетам на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 14,6%. После существенного повышения в 2015-2016 гг. к 2022 г. уровень бедности снизился по сравнению с показателем 2013 г. В 2013 г. уровень бедности составлял 15,4%.

Если бы произошли изменения в структуре домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла, но не было бы изменений в уровнях бедности каждого типа домохозяйств, то гипотетический уровень бедности в 2022 г. составил бы 14,4%. Таким образом, можно говорить о том, что демографические изменения действительно являются одним из факторов снижения уровня бедности. В структуре населения вырос вес домохозяйств с низким уровнем бедности (одиноким пожилым, пары без детей, где женщина старше 60 лет) и в то же время снизился вес домохозяйств с наиболее высоким уровнем бедности (простые и сложные домохозяйства со старшим ребенком до 6 лет, неполные домохозяйства с детьми разных возрастов). Отметим, что в отличие от

первой части данной статьи, где мы анализировали структуру домохозяйств (доли каждого типа домохозяйств), уровень бедности рассчитывается на индивидуальном уровне, т. е. как доля лиц с доходами ниже ПМ/ГБ согласно официально принятой концепции (таблица 3).

Таблица 3. Уровень бедности в домохозяйствах разного типа

Описание	Уровень бедности, %		Распределение респондентов по типам домохозяйств 2022 г., %	
	2013	2022	2013	2022
Одиночки от 18 до 35 лет, проживающие отдельно	16,8	9,3	0,9	1,0
Бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет	8,8	4,9	2,5	1,8
Бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет, прочие взрослые	5,0	5,4	1,4	2,0
Деторождение: пары с детьми, старший ребенок от 0 до 6 лет (простые)	20,8	19,5	5,6	2,7
Деторождение: пары с детьми, старший ребенок от 0 до 6 лет (включительно), прочие взрослые (сложные)	17,7	12,5	5,3	3,3
Деторождение: глава без партнера, старший ребенок от 0 до 6 лет, прочие взрослые (сложные неполные)	20,4	15,9	1,8	0,8
Школьники: пары с детьми, старший ребенок от 7 до 15 лет (простые)	25,1	26,1	11,6	11,6
Школьники: пары с детьми, старший ребенок от 7 до 15 лет, прочие взрослые (сложные)	13,7	16,6	6,6	8,1
Школьники: глава без партнера, старший ребенок от 7 до 15 лет (простые неполные)	34,2	27,5	1,5	1,7
Школьники: глава без партнера, старший ребенок от 7 до 15 лет, прочие взрослые (сложные неполные)	24,4	25,3	2,9	2,7
Выход из гнезда: пары с детьми, старший ребенок от 16 до 25 лет (простые)	20,1	20,6	11,9	12,4
Выход из гнезда: пары с детьми, старший ребенок от 16 до 25 лет, прочие взрослые (сложные)	11,2	21,8	7,7	7,6
Выход из гнезда: глава без партнера с детьми, старший ребенок от 16 до 25 лет (простые неполные)	26,3	29,3	2,5	2,3
Выход из гнезда: глава без партнера, старший ребенок от 16 до 25 лет, прочие взрослые (сложные неполные)	22,9	18,2	4,4	3,3
Одиночки от 26 до 35 лет, проживающие с родителями	9,8	5,4	3,1	3,0
Пустое гнездо: пары, в которых женщине от 46 до 59 лет, проживающие без детей	9,5	6,8	5,3	4,4
Одинокий взрослый: только глава в возрасте от 36 до 60 лет	11,9	10,7	2,4	2,7
Пары, в которых женщина старше 60 лет, проживающие без детей	1,5	0,6	6,7	8,2
Одинокий пожилой человек: только глава, старше 60 лет	2,1	0,6	5,3	7,7
Прочие (все остальные)	10,9	10,3	10,5	12,5

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Уровень бедности в целом по всем домохозяйствам в 2022 г. практически совпал с гипотетическим и составил 14,6%, несмотря на то, что в реальности произошли изменения не только в структуре домохозяйств, но и снизился уровень бедности большинства типов домохозяйств. Однако уровень бедности вырос у простых и сложных домохозяйств со старшим ребенком в возрасте от 7 до 15 лет и от 16 до 25 лет, молодых бездетных пар в сложных домохозяйствах, простых неполных домохозяйств на стадии отделения ребенка и сложных неполных, в которых старший ребенок школьного возраста, а это наиболее крупные группы. Так как в целом группы, в которых уровень бедности повысился,

составляют 47% всех респондентов, выросший уровень бедности в них компенсировал снижение в других типах домохозяйств.

Ограничения

У данной работы есть ряд ограничений. В частности, в используемых нами микроданных РМЭЗ НИУ ВШЭ плохо представлены наиболее высокодоходные группы, что является традиционной проблемой всех исследований подобного рода. По причине смещения выборки в сторону низкодоходных групп результаты работы следует интерпретировать с осторожностью. Кроме того, некоторые типы домохозяйств представлены уже, чем фактически. Это связано как с жесткими условиями формирования группы (возраст супруги, возраста детей), так и с особенностями данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, в которых не всегда представлены индивидуальные данные по каждому члену домохозяйства. В связи с этим возникают выбросы (например, более высокие расчетные уровни бедности). В подобных случаях мы не интерпретировали результаты ввиду недостаточного уровня репрезентативности отдельных групп. Наконец, наблюдаемые изменения в уровнях бедности и доходов разных типов домохозяйств следует воспринимать в терминах потенциального направления, а не как статистически значимую величину изменений. В развитие темы авторы планируют расширить исследование с помощью эконометрических методов анализа и провести анализ с учетом прочих равных составляющих.

Заключение

В России, как и в других странах, материальное положение существенно меняется на разных этапах жизненного цикла домохозяйств, что в первую очередь связано с появлением детей, затем с отделением выросших детей от родителей и с выходом на пенсию. На данных за 2013 и 2022 г. была рассчитана структура домохозяйств в разбивке по этапам жизненного цикла и показаны медианные среднедушевые доходы и риски бедности на разных этапах жизненного цикла домохозяйств в России.

В простых домохозяйствах со старшим ребенком до 6 лет медианные среднедушевые доходы на 37% ниже по сравнению с молодыми бездетными парами. Доходы остаются низкими на всех этапах взросления детей до отделения детей от родительской семьи или достижения старшим ребенком возраста полной самостоятельности (в нашей типологии – старше 26 лет). На этапах старения пары или одиноко проживающего пожилого потери составляют порядка пятой части медианных среднедушевых доходов по сравнению с домохозяйствами, состоящими из пар на этапе «пустое гнездо» и одиноко проживающих взрослых.

В сложных домохозяйствах наличие других взрослых, часть из которых не имеют трудовых доходов, приводит к существенно более низким медианным среднедушевым доходам уже на этапе образования бездетной пары. На этапе появления детей доходы практически не меняются. Возможно, в таких семьях матери быстрее возвращаются на рынок труда, так как в домохозяйстве есть другие взрослые, которые могут помочь в уходе за ребенком.

За анализируемый период сильнее всего медианные среднедушевые доходы выросли у бездетных пар (женщине до 45 лет) в простых домохозяйствах, у простых и сложных домохозяйств на стадии появления ребенка (старшему до 6 лет) и в неполных

простых домохозяйствах на стадии школьного возраста старшего ребенка. В то же время медианные среднедушевые доходы существенно снизились во всех типах домохозяйств на этапе выхода из гнезда старшего ребенка, за исключением неполных сложных домохозяйств.

Рассматривая риски бедности на разных этапах жизненного цикла домохозяйств, можно отметить, что в 2022 г. риски бедности минимальны у пожилых людей, а также у бездетных пар до рождения детей и после того, как дети покинут родительскую семью. Основные риски бедности ложатся на домохозяйства с детьми. Существенное увеличение социальной поддержки малоимущих семей с детьми с 2021 г. позволило снизить уровень бедности в таких домохозяйствах после роста уровня бедности в 2015-2016 гг., однако по сравнению с 2013 г. снижения рисков бедности этих категорий населения не произошло. В 2022 г. простые домохозяйства с детьми в 1,4-1,8 раза чаще оказываются за чертой бедности, чем все домохозяйства. Самое высокое значение риска бедности достигается на этапе, когда старшим детям от 7 до 15 лет (1,8). Следует учитывать, что реформирование системы социальной поддержки малоимущих семей с детьми продолжилось и после 2022 г. С 2023 г. в России введено единое пособие для малоимущих семей с детьми. Высокий размер пособия (до 1 ПМ на каждого ребенка) сокращает глубину бедности. Относительно 2013 г. можно отметить снижение риска бедности у молодых одиночек и молодых людей в возрасте от 26 до 36 лет, проживающих с родителями, а также у бездетных пар. В сложных домохозяйствах риск бедности стал расти по мере увеличения возраста старшего ребенка, тогда как в 2013 г., напротив, снижался.

Полные домохозяйства на этапе школьного возраста детей и стадии выхода из гнезда составляют более трети всех бедных домохозяйств, и их доля за период с 2013 г. по 2022 г. выросла. Еще 20% бедных домохозяйств составляют неполные домохозяйства с детьми (в том числе 11% – это неполные домохозяйства с детьми в возрасте от 16 до 25 лет). Увеличение социальной поддержки этих категорий может дать максимальный эффект для снижения уровня бедности в стране. Простые домохозяйства, в которых старший ребенок не достиг школьного возраста, составляют менее 5% среди бедных домохозяйств. Их доля среди бедных снизилась более чем в два раза, что связано в первую очередь со снижением числа таких домохозяйств в структуре населения.

Социальная поддержка семей в течение периода взросления детей должна оставаться ключевым приоритетом социальной политики, так как позволяет предотвратить воспроизводство бедности в следующих поколениях взрослых. Однако отметим также важность развития социальной поддержки взрослых, проживающих без детей. Одинокие взрослые (от 36 до 60 лет) составляют в 2022 г. 6,8% среди всех бедных домохозяйств, причем для этой категории населения практически не предусматривается социальной поддержки, за исключением небольших выплат в рамках государственной социальной помощи. Социальная поддержка взрослых без детей должны быть адресной, ориентированной на тех, кто не может обеспечить себя в связи с наличием ограничений по здоровью, необходимостью осуществлять долговременный уход за членами семьи, потерей работы в предпенсионном возрасте, бездомностью.

За исследуемый период в структуре российских домохозяйств произошли изменения. В частности, выросла доля одиноко проживающих людей, снизилась доля нуклеарных домохозяйств, доля неполных домохозяйств, доля домохозяйств с детьми на этапе появления детей, а также на этапе выхода детей из родительской семьи. Результаты

анализа по методу «сдвиг-доля» показали, что происходящие изменения в структуре домохозяйств являются одним из факторов снижения уровня бедности. Задачи демографической политики (в частности, повышение рождаемости) не должны вступать в противоречие с задачей по снижению бедности. Это означает, что они должны решаться одновременно с решением задачи по снижению уровня бедности среди домохозяйств с детьми, в том числе не только в момент появления ребенка, но и с детьми школьного и студенческого возраста.

Литература

- Аллен Р. (1980). *Экономические индексы*. Перевод с англ. М.: Статистика.
Allen R.G.D. (1975). *Index Numbers in Theory and Practice*. The Macmillan Press Ltd.
- Антонов А. И., Медков В. М. (1996). *Социология семьи*. М.: Изд-во МГУ.
Antonov A.I., Medkov V.M. (1996). *Sociology of the Family*. М.: Izd-vo MSU. (in Russ.).
- Белехова Г.В. (2022а). Опыт применения категории «жизненный цикл» в исследовании экономического поведения населения. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 1(44), 114-130.
Belekhova G.V. (2022a). Experience of application of the category «life cycle» in the study of the economic behavior of the population. *Journal of Wellbeing Technologies*, 1(44), 114-130. (In Russ.).
<https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1153>
- Белехова Г.В. (2022b). Демографическая дифференциация экономического поведения населения: автореф. дисс. к.э.н.
Belekhova G.V. (2022b). *Demographic differentiation of economic behavior of the population: abstract diss. Candidate of Economic Sciences*. (In Russ.).
https://www.isras.ru/files/File/Dissert/Belekhova_avtoreferat.pdf
- Белопашенцева П.В. (2022). Что говорит о российской бедности депривационный подход? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4(170), 110-129.
Belopashentseva P. V. (2022). What Does the Deprivation Approach Say About Russian Poverty? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4(170), 110-129. (In Russ.).
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2224>
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2021). Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация. *Мир новой экономики*, 15(2), 16-28.
Bobkov V.N., Odintsova E.V. (2021). The Material Well-being of Russians: Intergenerational Differentiation. *The world of new economy*, 15(2), 16-28. (In Russ.).
<https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28>
- Бурдяк А.Я. (2014). Денежные сбережения домашних хозяйств на разных этапах жизненного цикла. *Финансовый журнал*, 1, 129-140.
Burdyak A.Ya. (2014). Household cash savings at different stages of the life cycle. *Financial Journal*, 1, 129-140. (In Russ.).
<https://www.hse.ru/data/2014/09/30/1100430104/%D0%91%D1%83%D1%80%D0%B4%D1%8F%D0%BA.%20%D0%94%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D0%B5....pdf?ysclid=m9wpglfgmz35755923>

- Васильева Э.К. (1975). Семья и её функции: демографо-статистический анализ. М.: Статистика.
Vasilyeva E.K. (1975). Family and its functions: demographic and statistical analysis. M.: Statistics. (In Russ.).
- Волков А.Г., Сороко Е.Л. (1999). Типология семей и домохозяйств в России: развитие и анализ (по данным микропереписи 1994 года). *Вопросы статистики*, 5, 40-52.
Volkov A.G., Soroko E.L. (1999). Typology of families and households in Russia: development and analysis (according to the 1994 microcensus data). *Voprosy statistiki*, 5, 40-52. (In Russ.).
- Гришина Е.Е. (2018). Различные аспекты бедности семей с детьми. *ЭКО*, 3(525), 7-26.
Grishina E.E. (2018). Different Aspects of Poverty Among Families with Children. *ECO*, 3(525), 7-26. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-3-7-26>
- Жеребин В.М., Болдышева Н.О., Ермакова Н.А. (2006). Жизненный цикл семьи: демографическая, социальная и экономическая линия развития. *ЭНЕР*, 3 (34), 96-111.
Zherebin V.M., Boldysheva N.O., Ermakova N.A. (2006). Family life cycle: demographic, social and economic development line. *Economics of Contemporary Russia*, 3 (34), 96-111. (In Russ.).
<https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=karjiz&ysclid=m9wp7zhl2k543603219>
- Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. (2013). Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ. *Мир России. Социология. Этнология*, 22 (1), 155-175.
Karabchuk T., Pashinova T., Soboleva N. (2013). Poverty of Russian households: what we know about it from RLMS database. *Universe of Russia*, 22 (1), 155-175. (In Russ.).
<https://sochum.ru/s1811-038x0000225-7-1/?ysclid=m9woxj1rn657195480>
- Лежнина Ю.П. (2014). Социально-демографические особенности в современной России. *Социологические исследования*, 1, 20-28
Lezhnina Yu.P. (2014). Socio-demographic features in modern Russia. *Sociological research*, 1, 20-28. (In Russ.).
<https://www.socis.isras.ru/article/5935>
- Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тынди́к А.О. (2015). Средние классы на различных этапах жизненного пути. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3 (27), 109–138.
Maleva T.M., Burdyak A.Ya., Tyndik A.O. (2015). Middle Classes at Different Stages of Life Course. *The Journal of the New Economic Association*, 3(27), 109–138. (In Russ.).
<https://www.econorus.org/repec/journal/2015-27-109-138r.pdf?ysclid=m9wovs6dvp649036596>
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Карцева М.А., Кузнецова П.О. (2019). Бедность в детстве и в старости: не только дефицит доходов. М.: Дело.
Maleva T.M., Grishina E.E., Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. (2019). *Poverty in childhood and old age: not only income deficit*. Moscow: Delo. (In Russ.).
- Навайтис Г. (1999). *Семья в психологической консультации*. М.; Воронеж: Московский психолого-социальный институт. НПО «Модэк».
Navaitis G. (1999). *Family in psychological consultation*. M.; Voronezh: Moscow Psychological and Social Institute. NPO "Modek". (In Russ.).

- НИУ Высшая школа экономики (2025). Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения. Данные по домохозяйствам. Волны 22 (2017) и 31 (2022). (данные загружены 15.02.2025).
Higher School of Economics (2025). Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE. Waves 22 (2017) and 31 (2022). (In Russ.).
<https://www.hse.ru/rlms/spss>
- Овчарова Л.Н. (Ред.) (2019). *Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки*. М. : Изд. дом Высшей школы экономики.
Ovcharova L.N. (Ed.) (2019). *Families with children in Russia: standard of living and social support policy*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. (In Russ.).
<https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/263487413>
- Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. (2023). Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения. *Демографическое обозрение*, 10(2), 4-17.
Prokofieva L.M., Korchagina I.I. (2023). Demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population census data. *Demographic Review*, 10(2), 4-17. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>
- Римашевская Н.М. (2003). *Человек и реформы. Секреты выживания*. М.: ИСПН РАН.
Rimashevskaya N.M. (2003). *Individual and reforms. Secrets of survival*. Moscow: ISESP RAS. (In Russ.).
- Селиванова О.В., Коробкова Н.Ю. (2024). Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики. *Социально-трудовые исследования*, 54(1), 147-156.
Selivanova O.V., Korobkova N.Yu. (2024). Single-parent families in Russian regions: scale and socio-economic characteristics. *Social and labor research*, 54(1), 147-156. (In Russ.).
<https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156>
- Смирнов В.М., Селиванова О.В. (2023). Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь. *Экономика труда*, 10 (5), 695-714.
Smirnov V.M., Selivanova O.V. (2023). Single-parent household in Russia: scale, problems and social assistance. *Russian Journal of Labour Economics*, 10(5), 695-714. (In Russ.).
<https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824>
- Стародубцева Н.А., Солодкова А.В. (2023) Теоретические подходы к определению жизненного цикла семьи. *Экономика. Социология. Право*, 1(29), 67-76.
Starodubtseva N.A., Solodkova A.V. (2023). Theoretical approaches to the definition family life cycle. *Economics. Sociology. Law*, 1(29), 67-76. (In Russ.).
<https://doi.org/10.22281/2542-1697-2023-02-01-67-76>
- Сысенко В.А. (1989). *Супружеские конфликты*. М.: Мысль.
Sysenko V.A. (1989). *Marital conflicts*. Moscow: Mysl. (In Russ.).
- Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Аникин В.А., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2018). *Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения*. М.; СПб.: Нестор- История.
Tikhonova N.E., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Anikin V.A., Karavai A.V., Slobodenyuk E.D. (2018). *Income Stratification Model of the Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History. (In Russ.).
<https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/226871178>

- Аллен Р. (1980). *Экономические индексы*. Перевод с англ. М.: Статистика.
- Allen R.G.D. (1975). *Index Numbers in Theory and Practice*. The Macmillan Press Ltd.
- Axinn J., Levin H. (1979). The family life cycle and economic security. *Social Work*, 24 (6), 540-546.
<https://doi.org/10.1093/sw/24.6.540>
- Bane M.J., Ellwood D. (1986). Slipping into and Out of Poverty: the Dynamics of Spells. *Journal of Human Resources*, 21, 1-23.
<https://doi.org/10.2307/145955>
- Barquero B.J.A, Trejos S.J. (2005). *Types of Household, Family Life Cycle and Poverty in Costa Rica* (Translation of Spanish Version). UCLA: California Center for Population Research.
<https://escholarship.org/uc/item/6tp0x5x1>
- Calvi R., Penglase J., Tommasi D., Wolf A. (2023). The More the Poorer? Resource Sharing and Scale Economies in Large Families. *Journal of Development Economics*, 160.
<https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2022.102986>
- Cancian M., Reed D. (2008). *Changes in family structure, childbearing, and employment: Implications for the level and trend in poverty*.
<https://www.researchgate.net/publication/228536798>
- Cuesta L., Ríos-Salas V., Meyer D.R. (2017). The Impact of Family Change on Income Poverty in Colombia and Peru. *Journal of Comparative Family Studies*, 48 (1), 67-96.
<https://www.jstor.org/stable/44509171>
- Duncan G.J, Coe R.D., Corcoran M.E., Hill M.S., Hoffman S.D., Morgan J.N. (1984). *Years of Poverty, Years of Plenty: The Changing Economic Fortunes of American Workers and Families*. Ann Arbor: Institute for Social Research, University of Michigan.
<https://doi.org/10.1086/228257>
- Duval E.M. (1957). *Family development*. Philadelphia: Lippincott.
<https://archive.org/details/familydevelopment00duva>
- Hunter R. (1904). *Poverty*. New York: Macmillan.
<https://archive.org/details/poverty01huntgoog>
- Lansing J.B., Morgan J.M. (1955). Consumer Finances Over the Life Cycle. *Consumer Behavior*, 2, 36-50.
- Lansing J., Kish L. (1957). Family Life Cycle as an Independent Variable. *American Sociological Review*, 22 (5), 512-519.
- McLanahan S.S., Percheski C. (2008). Family Structure and the Reproduction of Inequalities. *Review of Sociology*, 34, 257-276.
<https://doi.org/10.1146/ANNUREV.SOC.34.040507.134549>
- Ravallion M., Huppi M. (1991). Measuring Changes in Poverty: A Methodological Case Study of Indonesia during an Adjustment Period. *The World Bank Economic Review*, 5 (1), 57-82.
<https://doi.org/10.1093/wber/5.1.57>
- Rowntree S. (1906). *Poverty: A study of town life*. New York: Howard Fertig Inc.
<https://archive.org/details/povertyastudyto00rowngoog>

Tuttle R.C. (1989). Poverty Over the Family Life Cycle. *Journal of Family and Economic Issues*, 10(4), 267-291.

<https://link.springer.com/article/10.1007/BF00986863>

Weiss R. (1984). The impact of marital dissolution on income and consumption in single parent households. *Journal of Marriage and the Family*, 46, 115-127.

<https://doi.org/10.2307/351870>